

С. Маслинская (Леонтьева)

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ (1882–1969)

Корней Чуковский (1882, Петербург — 1969, Москва). Настоящее имя — Николай Корнейчуков. Отец — сын врача, потомственный почетный гражданин г. Одессы Эммануил Соломонович Левинсон (1851–?). Мать — Екатерина Осиповна Корнейчукова (1856–1931), крестьянка Полтавской губернии. Родители не были женаты, отец оставил семью, когда Чуковскому было три года, мать с сыном Николаем и дочерью Марией переехала из Петербурга в Одессу, там дети учились в гимназии, но не окончили ее¹. Чуковский занимался самостоятельно, сдавал гимназический курс экстерном, самоучкой освоил английский язык.

С 1901 г. Чуковский — корреспондент газеты «Одесские новости», в 1903–1904 гг. от газеты он был командирован в Англию, эта поездка на долгие годы определила его любовь к английской литературе, которую он в дальнейшем много переводил. Вернувшись, Чуковский продолжает журналистскую работу: материалы, которые он публикует, преимущественно касались событий культурной жизни страны. В 1905 г., переехав в Петербург, Чуковский организовал еженедельный сатирический журнал «Сигнал», вскоре закрытый властями по цензурным соображениям. В предреволюционное десятилетие Чуковский публиковал в столичных журналах очерки о писателях в жанре «литературных портретов». Опубликованные в периодике статьи вышли отдельными изданиями и составили критические сборники: «От Чехова до наших дней» (1908), «Нат Пинкертон и современная литература» (1908), «Леонид Андреев большой и маленький» (1908), «Матерям о детских журналах» (1911), «Критические рассказы» (1911), «Лица и маски» (1914), «Футуристы» (1922), «Оскар Уайльд» (1922), «Книга об Александре Блоке» (1922, 2-е изд. — «Александр Блок как человек и поэт», 1924). Многие критические очерки переросли в исследовательские монографии (о Некрасове, Чехове), легли в основу сборника воспоминаний. К середине десятых годов Чуковский — известный (даже скандальный) литературный критик, по определению Л. Д. Троиц-

Чуковский К. Сказки / худ. К. Ротов. М.: Детгиз, 1935.

кого — «руководящий критик эпохи» [Троицкий 1991, с. 279], популярный лектор, переводчик и литературовед.

Литературно-критическая деятельность Чуковского, знакомства с издателями, собственные попытки издавать журнал закономерно привели его в редакторское кресло книжных издательств: с 1916 г. по приглашению М. Горького Чуковский возглавлял детский отдел издательства «Парус», подготовил сборник «Радуга» (вышел под названием «Елка»). С 1918 г. Чуковский участвовал в работе созданного М. Горьким издательства «Всемирная литература», для которого выполнял переводы (произведения М. Твена, О. Уайльда, О. Генри, Д. Дефо, Э. Распе и др.), составлял к изданиям предисловия и комментарии, возглавлял англо-американский отдел издательства, руководил студией детской литературы и студией художественного перевода (совместно с А. А. Блоком и М. Л. Лозинским).

После Октябрьской революции свободно работать в литературно-критической сфере становилось все затруднительнее, нападки

на Чуковского-критика приобретали призыв властного партийного окрика². Тем не менее Чуковский ведет активную литературно-общественную деятельность: читает лекции, публично выступает с критикой и обзорами, помогает нуждающимся литераторам, организывает ДИСК (Дом искусства в Петрограде) и обращается к созданию произведений для детей.

Чуковский начинал с переложений и переводов детской литературы³, первое известное произведение — стихотворная сказка «Приключения Крокодила Крокодиловича» (1916, опубл. в 1917), ранее было напечатано «Собачье царство» (1912), но оно не получило известности. Позднее Чуковский сформулировал задачи, стоявшие перед ним, когда он брался писать «Крокодила»: «Предстояло найти особенный, лирико-эпический стиль, пригодный для повествования, для сказа и в то же время почти освобожденный от повествовательно-сказовой дикции. Мне кажется, что всякие сказки-поэмы и вообще крупные фабульные произведения в стихах могут дойти до маленьких детей лишь в виде цепи лирических песен — каждая со своим ритмом, со своей эмоциональной окраской» [Чуковский 2010, с. 384]. Такая постановка задачи привела к характерной в дальнейшем для поэзии Чуковского стилистической разноголосице, создаваемой за счет совмещения строфических структур классической русской поэзии, в частности балладного стиха, скрытых строфических и текстовых цитат из поэзии XIX (Н. А. Некрасов, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин) и XX (Н. Агнiewicz, Н. Гумилев, В. Хлебников, В. Брюсов) веков, включения ритмических элементов городского фольклора (частушка, площадные выкрики, вывески, афиши, объявления)⁴. «Напевные, пританцовывающие, маршевые, стремительные, разливисто-протяжные» [Петровский 2006, с. 42] ритмы с кинематографической быстротой сменяются в сказке вместе со сменой эпизодов. Эти и другие особенности сказки (пристрастие к персонажам-животным, в частности излюбленному персонажу практически всех сказок — крокодилу, неоднозначность авторских моральных оценок, острый конфликт между героем-одиночкой и антагонистом, финальная эйфория) стали в дальнейшем отличительной чертой сказок Чуковского. К жанру сказки он вернулся в 1921 г., и в 1920-е гг. им было написано большинство стихотворных сказок, впоследствии названных Юрием Тыняновым «детским комическим эпосом»: «Мойдодыр» (1923), «Тараканище» (1923), «Мухина свадьба» («Муха-цокотуха», 1924), «Бармалей» (1925), «Федорино горе» (1926), «Чудо-дерево» (1926), «Телефон» (1926), «Путаница»

(1926), «Лимпопо» («Айболит», 1929). Для сказочного творчества Ч. характерна разного рода интертекстуальность: сквозные персонажи, появляющиеся в нескольких сказках (Мойдодыр, Бармалей, Айболит, крокодил и др.), цитация, повторы рифм, устойчивые строфические структуры (так называемая «корнеева строфа»).

Существует несколько направлений литературоведческой интерпретации сказок Чуковского: поиски мифологических и фольклорных истоков сюжетов и образности [см.: Лупанова 1969, с. 100–101; Неелов 1976], литературных предшественников (как непосредственных прототипов⁵, так и жанровых и сюжетных источников для пародирования), ритмико-семантических реминисценций⁶, внутрицеховых пародий (в частности пародирование русских футуристов [см.: Гаспаров 1992]), психоаналитических подтекстов [см.: Золотоносов 1993]. В осмыслении проблем детского восприятия сказок Чуковского в основном преобладает критико-педагогический дискурс, реже попадают в поле зрения исследователей психотерапевтические функции сказок [см.: Платт 2008; Кузьмина 1995]. Особо стоит отметить самое популярное направление анализа — попытки герменевтического вчитывания в сказки «взрослого» содержания, под которым понимаются прежде всего злободневно-политические аллюзии: в отдельных работах этим смыслом придается невольный характер, от Чуковского не зависящий [см.: Неелов 1976], в большинстве же работ сказки рассматриваются как результат «эзоповых усилий» автора⁷.

Традиция прочтения сказочных произведений Чуковского как политических памфлетов укоренена еще в 1920-х, когда творчество Чуковского для детей стало подвергаться нападкам со стороны педагогов и руководителей детского чтения. Еще в 1922 г. при подготовке к печати «Мойдодыра» начались цензурные преследования: была запрещена строчка «Боже, Боже, что случилось? Отчего же все кругом...», но на фоне дальнейших преследований Чуковского антирелигиозное цензурное замечание было ничтожным. Если в 1923 г. в рубрике «Что читать детям» произведения Чуковского («Мойдодыр», «Тараканище») еще рекомендовались для детского чтения, то уже в 1925 г. Чуковский был объявлен «попутчиком», в 1927 г. ГУС (Государственный Ученый Совет Наркомпроса РСФСР) запрещает к публикации «Айболита» и «Крокодила», запрещают к изданию и другие сказки (например, запрет четвертого издания «Бармалея» объяснялся тем, что «дети не поймут заключающейся здесь иронии» [Чуковский 1991]), а в 1929 г. сказки Чуковского за-

прещаются не только для публикации, но и для чтения [см.: Красный библиотекарь 1929]. Кульминацией разворачивающейся кампании «борьбы за сказку» стал выход 1 февраля 1928 г. в центральной партийной газете «Правда» статьи Н. К. Крупской «О “Крокодиле” К. Чуковского», в которой творчество Чуковского подверглось резкой критике. За детского поэта вступился М. Горький, опубликовавший ответное письмо [см.: Горький 1928]. На страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия, возобновлявшаяся в течение двух лет, но постепенно критическая кампания все более приобрела черты откровенной травли писателя. К. Свердлова⁸ в своей статье «О “чуковщине”» вдохнула вторую жизнь в этот ярлык⁹, понимая под ним «идеологию вырождающегося мещанства, культ отмирающей семьи и мещанского детства» [Свердлова 1928]. Ей вторила родительская общественность, по убеждению которой, «Муха-цокотуха» подрывает веру детей в торжество коллектива, в ней выражено сочувствие кулацкой идеологии («А жуки рогатые, мужики богатые»), она восхваляет «мещанство и кулацкое накопление» и дает «неправильное представление о мире животных и насекомых» [Мы призываем... 1929]¹⁰. В травле участвовали не только педагоги и цензоры, но и товарищи по литературному цеху. Гневное письмо, опубликованное в «Литературной газете» 27 января 1930 г., подписали тридцать писателей, среди них были А. Барто, Л. Остроумов и С. Ауслендер. В этом письме среди прочего осуждались строки: «А нечистым трубочистам / Стыд и срам, стыд и срам...» Писатели интерпретировали эти строки как иронию над рабочим классом, невозможную в советской детской литературе [см.: Открытое письмо... 1930]. Отражение в сказках мелкобуржуазной позиции писателя, по мнению критиков, привело Чуковского к игнорированию советского читателя-ребенка: «<... > пришел новый рабоче-крестьянский малыш. Он хлопнет ручкой по книге и спросит: “Это про СССР?” И, узнав, что не СССР, а умывальник, досадливо пожмет шестилетним плечом» [Гринберг 1925, с. 247]. Чуковского ругали за «культивирование в детской литературе ритмики и приемов народного творчества» [Книга и революция 1929], за использование особенностей детской речи, за «тенденцию позабавить ребенка» [Флерица 1929]. Два года прицельной травли привели к тому, что в конце 1929 г. в одном из декабрьских номеров «Литературной газеты» появилось отречение Чуковского от собственных сказок, которые он назвал «старинными», и от заповедей детского писателя, сформулированных им совсем незадолго до этого [см.: Чуковский

1929а]. Здесь же Чуковский пообещал написать «Детскую колхозию» [см.: Чуковский 1929б], но обещания впоследствии не выполнил. Однако, несмотря на покаяние Чуковского, критическая кампания¹¹ не сбавляла оборотов еще несколько месяцев, высказанные претензии были обобщены к январю 1930 г.: «Что есть чуковщина? <... > Это, во-первых, антиобщественность, упорное отрицание современной тематики, это, во-вторых, антипедагогичность, широкое использование приемов, травматически действующих на детей, и, в-третьих, формальное закостенение, отказ от поисков таких форм, которые бы соответствовали новому содержанию» [Ханин 1930, с. 1], более того, «чуковщине» был приписан статус организованного сообщества — «общественной группы с четко сформулированной идеологией»: «идеологией мещанства» [Свердлова 1928, с. 92], которую ее глава, Чуковский, проповедовал в книге «Маленькие дети» (1928). Затравленный писатель замолчал, что было вызвано и внутрисемейными обстоятельствами (в 1929–1931 гг. в его семье произошла трагедия, усугубившая его профессиональное поражение, — заболела и умерла младшая дочь); тем временем объявленная «ожесточенная борьба» с «чуковщиной» [Ханин 1930, с. 1] продолжалась вплоть до 1950-х гг.: периодически предпринимались целевые кампании по дискредитации новых произведений поэта (в 1936 г. вокруг сборника «Котауси и Мауси» [см.: Чугуев 1936; Хохлов 1936], в 1944 г. вокруг сказки «Одолеем Бармалея», в 1946 г. — «Бибигона» и «Собачьего царства»), не считая того, что практически каждого переиздания своих сказок Чуковскому приходилось добиваться, а переиздание некоторых было прервано на десятилетия. Например, после 1927 г. отдельное издание «Крокодила» состоялось лишь с десятилетним перерывом — в 1937-м, а следующее издание вышло только в 1964 г.¹² В целом, творческий путь К. И. Чуковского в 1930–1940-е гг. может быть представлен как история преодоления педагогического и, шире, начатого в 1920-е гг. властного давления на советского писателя.

Растерзанный критикой, в 1930–1940-е Чуковский практически не писал оригинальных произведений для детей, хотя и продолжал активно участвовать в спорах о детской литературе: выступал с докладом на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934) и на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ (1936), много работал над школьными учебниками, переиздавал сборники обработанного им детского фольклора¹³, выступал по вопросам организации детского чтения¹⁴, писал в периодике о своем понимании

Чуковский К. Краденое солнце / худ. Ю. Васнецов. М.: Детиздат, 1936.

современной детской литературы¹⁵, печатал рецензии на новые детские книги (например, о «Военной тайне» А. Гайдара Чуковский отозвался с большим пренебрежением, его возмутила стилистическая небрежность, поэтому он аттестовал «революционную сказку» А. Гайдара как «ученический опыт»¹⁶). В своих выступлениях и публикациях Чуковский отстаивал единство требований к художественному качеству взрослой и детской литературы, настаивал на обязательной занимательности литературы, адресованной детям, выступал против утилитарного понимания ее функций, в частности, негодовал по поводу механистичных, штампованных агитационных стихов для детей, предлагал напечатать для подростков сборники любовных лирических песен, бережно издавать классиков, тщательно относиться к переводам, профессионально готовить детских писателей и иллюстраторов. В то же время сам практически ничего не сочинял: в 1930-е гг. вышла только одна стихотворная сказка «Краденое солнце» (написана в 1927, первая публикация в 1933,

отдельное издание в 1936)¹⁷. В структурном отношении сказка напоминает «Тараканище»: нарушение гармоничного равновесия мира (животных) из-за появления/проявления злых сил (таракан/кража солнца), страх перед врагом/вредителем:

Но мохнатые боятся:
«Где нам с эдаким сражаться!
Он и грозен и зубаст...»;
Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы
Только шкура дорога...»),

выдвижение героя (воробей/медведь), уничтожение врага, всеобщая радость. Роднит эти сказки и то, что зло оказывается ненастоящим, фантомным: таракан ничтожен — «вот и нету великана» — по сравнению с представителями царства зверей; глотал ли крокодил солнце, поставлено под сомнение еще в первых строках сказки: «Солнце по небу гуляло / И за тучу забежало». Поэтому, в отличие от других сказок, в которых в сходных фабульных условиях возможно перевоспитание злого персонажа («Бармалей»), в этих сказках зло подлежит безоговорочному уничтожению, столь радостному всем:

Стали пташки щебетать,
За букашками летать.
Стали зайки
На лужайке
Кувыркаться и скакать.

Универсальная проблематика миражности зла в контексте середины 1930-х гг. может прочитываться как намек на историческую обстановку в стране, однако характерная для Чуковского неоднозначность образов не позволяет проводить прямые параллели. Образ крокодила можно было бы интерпретировать как аллгорию Сталина и олицетворенного в нем зла, однако этому сопротивляются внутритекстовые обстоятельства: пространство врага вынесено за границы домашнего мира болот, полей и лужаек (крокодил глотает солнце «в Большой Реке», которая ассоциирована в творчестве Чуковского с Африкой).

В сказке «Одолеем Бармалея!», написанной через 10 лет в 1942 г., Чуковский обращается к теме интервенции. Сюжет сказки составляет нападение одного звериного царства (Свирепии) на другое (Айболитию), действие происходит в условном пространстве «за далекими морями, у подножия Синей горы, над быстрою рекою

Чуковский К. Одолеем Бармалея / худ. В. Басов.
Ташкент: Сов. писатель, 1943.

Соренгою». Кроважадные интервенты во главе с Бармалеем теснят войска Айболита, на помощь последним приходит «знаменитый боец, доблестный Ваня Васильчиков», прилетевший из «могучей страны Чудославии». Однако, в отличие от предыдущей сказки, лишенной временной конкретики, в «Одолеем Бармалея!» образные детали свидетельствуют, что автор связывает условные события с реальной войной, охватившей страну: «Мне хотелось внушить даже маленьким детям, что в этой Священной войне бой идет за высокие ценности мировой культуры, гуманизма, демократизма, социальной свободы, что идеалами вполне оправданы огромные жертвы, которые приносят свободолюбивые страны для сокрушения гитлеровщины», — писал Чуковский [Ташкентский альманах 1942, с. 97]. Для выполнения этой задачи в тексте стилизуются формулировки сводок Информбюро:

Мы сегодня взяли в плен
Сто четырнадцать гиен,

Захватили десять дотов,
Восемнадцать самолетов,
Сто один мотоциклет,
Сто один велосипед,
Нам достались трофеи:
Сто четыре батареи,
Триста ящиков гранат,
Полевой азростат
И сто двадцать миллионов
Нерасстрелянных патронов.

и агитплакатов:

И поставьте у калитки
Дальнобойные зенитки.
Чтобы наглый диверсант
К нам не высадил десант!

Упоминаются виды современного оружия (танк, автомат), используется лексика военного времени (вражеская часть, пулеметчик, партизанки и др.), сама война зверей описывается в тех же проявлениях, что и реальная:

Ты, лягушка-пулеметчик,
Схоронися за кусточек,
Чтоб на вражескую часть
Неожиданно напасть.
Вы, орлицы-партизанки,
Сбейте вражеские танки,
И пустите под откос
Бармалеев паровоз!

Чуковский возвращается к своему сюжету о докторе Айболите и зверином сообществе его пациентов, чтобы «рельефнее» донести до самых маленьких граждан смысл происходящих событий. Он начал писать сказку в марте 1942 г., летом он ее читал детям (в Ташкенте, куда был эвакуирован), 9 августа она выходит отрывками в газете «Правда Востока» и затем в августе-сентябре в «Пионерской правде». Но уже начиная с 1943 г., когда ожидался выход ее отдельной книжкой, начались препятствия. Они были самого разного характера: сначала иллюстратор задерживал картинки, за это время вышло указание о необходимости утверждать любое издание в Москве, на согласование также уходило время. Целый год Чуковский боролся за сказку, в итоге она все-таки вышла в нескольких региональных издательствах, но 1 марта 1944 г. в «Правде» появилась статья «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского». В своей разносной статье П. Ф. Юдин писал: «К. Чуковский перенес в мир зверей социаль-

ные явления, наделив зверей политическими идеями “свободы” и “рабства”, разделил их на кровопивцев, тунеядцев и мирных тружеников. Понятно, что ничего, кроме пошлости и чепухи, у Чуковского из этой затеи не могло получиться, причем чепуха эта получилась политически вредная» [Юдин 1944]. Статья состояла из потока политических обвинений и завершалась угрожающим выводом: «Сказка К. Чуковского — вредная стряпня, которая способна исказить в представлении детей современную действительность. “Военная сказка” К. Чуковского характеризует автора, как человека или не понимающего долга писателя в Отечественной войне, или сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма» [Там же]. Через три дня вышла статья С. Бородина под говорящим названием «Быль и зоология», отсылающим к основному методологическому кредо критиков Чуковского, сформулированному еще в 1920-е: его сказки «совершенно оторваны от мира социальных переживаний» [Бухштаб 1931, с. 110]. Сказка была запрещена из-за «авторского недомыслия, непонимания темы». Впоследствии сам Чуковский охладил к своему агитационному эксперименту военных лет, и «Одолеем Бармалея!» не переиздавалась до 2001 г., только два отрывка из нее под названием «Айболит и воробей»¹⁸ и «Радость» публиковались отдельно.

В 1945 г. Чуковский пишет свою последнюю сказку «Бибигон»¹⁹, она значительно отличается от прежних: состоит из чередующихся прозаических и поэтических фрагментов, последние написаны разными размерами, а не хореем — излюбленным размером Чуковского. Прозаизация изложения достигается и тем, что события разворачиваются в достоверном пространстве — на даче рассказчика в Переделкино, среди действующих лиц — сам автор-рассказчик и его внуки, герой-освободитель имеет свою биографию (прилетел с Луны, у него есть сестра), текст полон детализированных описаний:

Игрушечный домик, уютный такой, —
Который своими руками
Ему мастерили мы сами:
С игрушечной ванной, с картонной плитой...
Неужто навеки он будет пустой?

В отличие от динамичных, драматизированных сказок 1920-х гг., действие в «Бибигоне» развивается медленно, борьба с врагом (индюком Брундуляком), периодически возобновляясь, перемежается вполне мирными проказами и забавами главного героя, лишенного героической одержимости, отчетливо обнаруживает себя и авторская

Чуковский К. Солнечная. М.: Детгиздат, 1939.

ирония по отношению к герою-лиллипу. В то же время в тексте можно обнаружить и перекличку с более ранними сказками: упоминание или включение в отдельные эпизоды героев других сказок (Мойдодыр, акула Каракула и др.), ритмические и словесные цитаты, характерное по динамичности описание последней схватки героя и антагониста:

И острую шпагу в него он вонзил,
И в самое сердце его поразил.
И рухнул индюк. И от жирного тела
В далекий бурьян голова отлетела.
А тело скатилось в темный овраг,
И сгинул навеки злодей Брундуляк.

Сказка еще печаталась в «Мурзилке», а в «Правде» 29 августа 1946 г. появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов», объектами критики стали и журнал «Мурзилка», и «Бибигон». Автор очередной разгромной статьи писал: «Нельзя допустить, чтобы под видом сказки в детский журнал досужие сочинители тащили явный бред. С подобным бредом под видом

сказки выступает в детском журнале “Мурзилка” писатель Корней Чуковский... Нелепые и вздорные происшествия следуют одно за другим... Дурная проза чередуется с дурными стихами. <...> Натурализм, примитивизм. В “сказке” нет фантазии, а есть только одни выкрутасы. Чернильница у писателя большая, а редакция журнала “Мурзилка” неразборчива» [Крушинский 1946]. Вслед за ней началась травля очередной, с точки зрения чиновников, «безыдейной и пошлой сказки» [см.: Воспитывать... 1946; Повысить... 1946], «Бибигон» был запрещен. Несколько ранее Чуковский сделал попытку переиздать сказку «Собачье царство» (первое издание в 1912 г.), однако критика привычно обрушилась на автора и книга была запрещена [см.: Ватова 1946].

Прозаическое творчество Чуковского 1930–1940-е гг. представлено прежде всего переизданиями выполненных в предыдущие два десятилетия переводов английской и американской литературы (О. Генри, Р. Киплинг, О. Уайльд, Э. Распе, Г. Честертон, А. Конан-Дойль, М. Твен, Г. Уэллс). В 1936 г. выходит расширенный вариант прозаического пересказа сказки Гью Лофтинга «История доктора Дулиттла» (первый вариант был опубликован в 1925 г.), годом раньше в «Чиже» выходит фрагмент из переложения книги Лофтинга «Приключения белой мышки» [см.: Лофтинг 1935]. Прозаический «Доктор Айболит» существенно отличается от первоисточника: изменены сюжетные ходы и пространство действия, переименованы персонажи, добавлены поэтические фрагменты [см.: Вдовенко 2007]. В том же году опубликована очередная книга о теории и практике перевода «Искусство перевода»²⁰.

Оригинальное прозаическое творчество в 1930-е гг. ограничивается двумя повестями, в них отразились травматичные факты биографии Чуковского: его исключение из гимназии и смерть младшей дочери Муры. Первым крупным прозаическим произведением этого периода стала повесть «Солнечная», опубликованная в маршакском журнале «Еж» в 1932 г. (отдельное издание в 1933 г.)²¹. Ее события помещены в крымский санаторий для детей, больных костным туберкулезом. Именно от этой болезни в таком санатории после продолжительного и безуспешного лечения в 1931 г. скончалась одиннадцатилетняя дочь Чуковского Мура (Мария). Чуковский, навещая дочь, наблюдал больных детей, выступал перед ними с чтением своих произведений, по впечатлениям от этих встреч и написана повесть. В центре изображения — больные туберкулезом дети, которые вместе борются не только с болезнью,

но занимаются самовоспитанием. В соответствии с идеологическими постулатами тех лет выздоровление детей представлено во многом как победа духа коллективизма (дети устраивают соцсоревнование, вместе помогают красить ведра для соседнего колхоза, сообща занимаются самодисциплиной). Личностный рост каждого персонажа показан как преодоление в себе индивидуалистических устремлений, помощь в этом преодолении оказывает солидарный коллектив: бывший беспризорник, хулиган Буба перевоспитывается под влиянием санаторного сообщества, и, как следствие, встает на путь физического выздоровления. Поначалу книга писалась вместе с больной дочерью, поэтому главный герой Сережа, мальчик тонкой душевной организации, как и Мура, сочиняющий стихи, вместе с другими больными детьми успешно сражается с недугом и в финале повествования выздоравливает. Необходимость поддержать дочь объясняется и бодрый тон книги, который Чуковский в своих дневниках охарактеризовал как «фальшивый, приподнятый». Но критика благосклонно отнеслась к повести о «коллективе малых ребят Советской страны», интерпретировав ее как приближение Чуковского к «советской действительности» [Бегак 1934] и реалистическому письму. Так же была воспринята и следующая повесть «Гимназия: Воспоминания детства» (с 1961 г. «Серебряный герб»), которую он писал в 1936–1938 гг. Впервые она вышла в журнальном варианте под названием «Секрет», основной акцент сделан на «секрете матери» рассказчика — его незаконнорожденности, в том же 1938 г. повесть была издана отдельной книгой «Гимназия: Воспоминания детства», в ней фокус внимания был смещен на известный указ о «кухаркиных детях»: именно из-за этого указа, по версии рассказчика, он и был исключен из гимназии. Из интригующей истории о происхождении героя («Секрет») произведение становится социально-сатирической повестью об учебном заведении царской поры с приложением-памфлетом. Большинство персонажей шаржированы: ханжа Зуев, проныра Блохин, преданный друг Тимоша, злопамятный поп Мелетий, держиморда директор Бургмейстер и т. п., карикатурности образов служат «говорящие» фамилии и клички (Шестиглазый, Зюзя, Тюттин и др.), гротескная речевая характеристика (например, пристрастие директора Шестиглазого к псевдорусским просторечным словам). Психологический портрет есть только у матери героя и у него самого: быстрая смена настроений и переживаний рассказчика (от отчаяния к надежде, от беззаботности к апатии и т. д.) определяет динамичность его поступков, их спон-

танность и непредсказуемость. Эта особая подвижность личности рассказчика обусловлена возрастом и психологическим складом, во многих чертах напоминающим автора. Как и в сказках Чуковского, события разворачиваются стремительно, в основе сюжета повести лежит два конфликта: внешний (героя и гимназического начальства) и внутренний (самовоспитание рассказчика, преодоление им своих слабостей). Сложность конфликта, динамичность сюжетного движения, обилие диалогов, гротескность образов, ирония — основные черты поэтики повести. Позднее, в 1960-х гг., вернувшись к повести, Чуковский снова ее переименует, расширит: если в редакции 1938 г. время действия ограничивалось тремя неделями (развитие основного фабульного конфликта — исключение из гимназии), то в новом варианте это годы подросткового взросления героя, в нем, как и в первой редакции, в центре оказывалась психология ребенка [см.: Обухова 2006].

Творчество Чуковского после разгромной критики его произведений на рубеже 1920–1930-х гг. — это попытка найти не просто свою жанровую и тематическую нишу, но и скорректировать творческий метод. В 1930-е гг. Чуковский, следуя социальному заказу, сосредоточился на реалистической прозе — попробовал себя в жанрах бытовой и школьной повести, в 1940-е гг. вернулся к сказке, но в обоих случаях (и в «Одолеем Бармалея!», и в «Бибигоне») заметно стремление отразить исторические события или реальное пространство, будь то военное время или дачный ландшафт Переделкино. Однако очевидно, что реалистические приемы создания образов не были органичны для творческой личности Чуковского, именно поэтому столь редки и подчас столь вымучены произведения этого периода. После «Бибигона» Чуковский окончательно перестал принимать попытки творческого самовыражения в литературе для детей, сосредоточившись исключительно на литературоведческой и издательской деятельности.

Примечания

¹ Существуют разные версии причин отчисления: незаконнорожденность (самая популярная версия), отсутствие денег для оплаты обучения (приводится в автобиографии), Чуковский издавал рукописный альманах, в котором опубликовал памфлет на директора.

² Именно так могла интерпретироваться перепечатка в сборнике «Литература и революция» в 1923 г. статей Л. Д. Троцкого, в которых он крайне неприязненно характеризует Чуковского и его критическую манеру.

³ Ная: шотланд. сказка в излож. К. Чуковского // Для детей: Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 2. Стб. 37–48; Горе счастливого царства: валийск. сказка

в излож. К. Чуковского // Для детей: Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 4. Стб. 101–108; Краснозубый Аин: Староангл. сказка в пересказе К. Чуковского // Для детей: Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 5. Стб. 137–144; Золотой порошок: араб. сказка; пересказал К. Чуковский // Для детей: ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 6. Стб. 165–172; Пираты. Людоеды. Краснокожие: рассказы для детей; по Бэвану, Джедду и Стрэнгу. Л.: Время, 1924.

⁴ Подробнее об источниках стилистики сказки см.: Петровский 2006; Ляпин 2001; Гаспаров, Паперно 1975; Арзамасцева 2003.

⁵ Например, о связи сюжетов прозаических и стихотворных произведений Чуковского о докторе Айболите с книгой Г. Лофтинга «Доктор Дулиттл» см.: Вдовенко 2007.

⁶ О «Мухе-цокотухе» в этом ключе см.: [Безродный 1992].

⁷ См., в частности: [Липовецкий 2000; Кондаков 2003; Кондаков 2008].

⁸ Свердлова Клавдия Тимофеевна (1876–1960), советский партийный деятель, жена Я. М. Свердлова. В 1925–1931 гг. — заведующая отделом детской литературы и отделом учебников ОГИЗ.

⁹ Понятие «чуковщина» возникло задолго до дискуссий 1920-х гг., в частности, еще до революции его неоднократно использовал С. Ф. Либрович, писавший под псевдонимом Лукиан Сильный (см., например, Лукиан Сильный Что такое «Чуковщина»? Вопрос без ответа // Вестн. литературы. 1909. № 3. Стб. 78–80). В дореволюционном речевом узусе под «чуковщиной» понималась поверхностная, злая критика, критиканство.

¹⁰ О фольклоризации в форме литературного анекдота борьбы Чуковского за «Муху-цокотуху», которую он характеризовал как «мое наиболее веселое, наиболее музыкальное, наиболее удачное произведение», см.: [Неклюдов 2007].

¹¹ Подробнее см.: [Блюм 1993].

¹² В представительном для своего времени библиографическом словаре «Советские детские писатели», вышедшем в 1961 г., «Крокодил» вообще не упоминается в списке произведений Чуковского.

¹³ В 1936 г. был переиздан сборник фольклорных песенок «Пятьдесят поросят».

¹⁴ См. работы: [Чуковский 1936а, 1936д, 1937, 1939, 1940].

¹⁵ См. работы: [Чуковский 1935а, 1935б, 1936б, 1936в, 1936г, 1936ж].

¹⁶ См. об А. Гайдаре: [Чуковский 1934]; о Л. Квитко: [Чуковский 1936з]; о М. Горьком: [Чуковский 1936е].

¹⁷ Чуковский К. Краденое солнце («Солнце по небу гуляло...») // Лит. современник. 1933. № 12. С. 159–162; То же / рис. Ю. Васнецова // Чиж. 1934. № 6. С. 9–11.

¹⁸ Впервые под названием «У доктора Айболита» в журнале «Мурзилка» (1955. № 1).

¹⁹ Чуковский К. Бибигон: Самая волшебная сказка / рис. В. Конашевича // Мурзилка. 1945. № 11. С. 12–14; № 12. С. 14–16; 1946. № 1. С. 21–23; № 2/3. С. 16–18; № 4. С. 21–23; № 5/6. С. 18–21; № 7. С. 17–19. На седьмом номере публикация была прервана.

²⁰ Чуковский К. Искусство перевода / [предисл. авт. — изд. доп.]. М.; Л.: Academia, 1936. Впоследствии многократно переиздавалась: Чуковский К. Высокое искусство [изд. испр. и доп.]. М.: Гослитиздат, 1941.

²¹ Солнечная / рис. В. Конашевича // Еж. 1932. № 7/8. С. 1–6; ил.; № 9/10. С. 1–8; ил.; № 11. С. 1–4; ил.; № 12. С. 3–8; ил.; № 13/14. С. 6–10; ил.; № 15/16. С. 9–12; ил.; Пионер. 1933. № 12. С. 2–4; ил.; первоначальный вариант был опубликован в виде очерка: Бобровка на Саре [санаторий для детей им. проф. Боброва] // Новый мир. 1931. № 2. С. 128–137.

Источники

- Бегак Б.* Корней Чуковский // Лит. газ. 1934. 6 апр.
- Ватова Е.* Пошлятина под флагом детской литературы // Культура и жизнь. 1946. 10 дек.
- [Б. П.] Воспитывать советское юношество в духе коммунизма // Лит. газ. 1946. 14 сент.
- Горький М.* Письмо в редакцию от 25 февраля 1928 г. // Горький о детской литературе: ст., высказывания, письма. 2-е изд. М., 1958. С. 186, 404 (первая публикация: Правда. 1928. 14 марта).
- Гринберг А.* Книги бывшие и книги будущие (для маленьких детей) // Печать и революция. 1925. № 5/6. С. 247.
- [Группа работников детской книги] Возрождение «россеянства» // Книга и революция. 1929. № 1. С. 25–28.
- [Б. П.] Книги, nereкомендуемые в массовых библиотеках // Красный библиотекарь. 1929. № 5/6 (7/8). С. 157–158.
- Крушинский С.* Серьезные недостатки детских журналов // Правда. 1946. 29 авг.
- Лофтинг Г.* Приключения белой мышки // Чиж. 1935. № 1. С. 3–9.
- Мы призываем к борьбе с «чуковщиной» (Резолюция общего собрания родителей Кремлевского детского сада) // Дошкольное воспитание. 1929. № 4. С. 74.
- [Открытое письмо М. Горькому] // Лит. газ. 1930. 27 янв.
- [Б. П.] Повысить идейный уровень молодежной и детской печати: на совещ. в ЦК ВЛКСМ ред., работников молодеж. и дет. журн. и газ. [приведено излож. выступления Н. Михайлова] // Комсомольская правда. 1946. 15 сент.
- Свердлова К.* О «чуковщине» // Красная печать. 1928. № 9/10. С. 94.
- Ташкентский альманах / сост. И. Лежнев. Ташкент, 1942.
- Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1991.
- Флерина Е.* С ребенком надо говорить всерьез // Лит. газ. 1929. 30 дек.
- Ханин Д.* Борьба за детского писателя // Книга детям. 1930. № 1.
- Хохлов Г.* Плохая рецензия о хорошей книге // Лит. газ. 1936. 10 июля.
- Чугуев Т.* Плохая книжка хорошего писателя // Изв. 1936. 3 июля
- Чуковский К.* Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы. Л.: Красная газета, 1928.
- Чуковский К.* Тринадцать заповедей для детских поэтов // Книга детям. 1929а. № 1. С. 13–19.
- Чуковский К.* [Заявление в ГИЗ от 10 декабря 1929 г.] // Лит. газ. 1929б. 30 дек.
- Чуковский К.* Опять о Мюнхгаузене // Лит. газ. 1934. 2 авг.
- Чуковский К.* Великое в малом // Правда. 1935а. 20 июня.
- Чуковский К.* Дайте детям книгу! // Правда. 1935б. 4 июня.
- Чуковский К.* Библиотека и школа // Правда. 1936а. 4 нояб.
- Чуковский К.* Дела детские: речь на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ // Лит. газ. 1936б. 26 янв.
- Чуковский К.* О детях, литературе и Наркомпросе: [из речи на X съезде ВЛКСМ] // Изв. 1936в. 24 апр.
- Чуковский К.* Поэты, защищайте поэзию! // Лит. газ. 1936г. 10 февр.
- Чуковский К.* Наркомпрос и дети: [об изучении былин в мл. кл. сред. шк.] // Раб. Москва. 1936д. 30 дек.
- Чуковский К.* О сказке А. М. Горького: [предисл. к публ. сказки «Про Иванушку-дурачка»] // Костер. 1936е. № 2. С. 19.
- Чуковский К.* Поэзия по-Наркомпросовски // Правда. 1936ж. 18 янв.
- Чуковский К.* Замечательный поэт // Красная газ. 1936з. 2 июня.

- Чуковский К.* Библиотека при школе // Правда. 1937. 1 сент.
- Чуковский К.* Литература в школе: [из речи на X пленуме ЦК ВЛКСМ] // Правда. 1939. 28 дек.
- Чуковский К.* О книге для родителей и школьных учебниках // Учительская газ. 1940. 17 янв.
- Чуковский К.* Дневник. Книга 1: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991.
- Чуковский К.* От двух до пяти. М.: Мелик-Пашаев, 2010.
- Юдин П. Ф.* Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского // Правда. 1944. 1 марта.
- Исследования*
- Арзамасцева И. Н.* Африка и война: новые темы для детских писателей // Арзамасцева И. Н. Век ребенка и русская литература 1900–1930-х годов. М.: Прометей, 2003. С. 243–261.
- Безродный М.* К генеалогии «Мухи-Цокотухи» // Школьный быт и фольклор: учеб. материал по рус. фольклору. Таллин, 1992. Ч. 1. С. 207–222.
- Блюм А. В.* Как поссорились ГУС с Главсоцвосом // Вопр. литературы. 1993. № 2. С. 315–320.
- Бухштаб Б. Б.* Стихи для детей // Детская литература: крит. сб. М.; Л., 1931.
- Вовенко И. В.* Стратегии культурного перевода. СПб.: РИИИ, 2007.
- Гаспаров Б. М., Паперно И. А.* «Крокодил» К. И. Чуковского: К реконструкции ритмико-семантических аллюзий // Тез. I Всесоюзной (III) конф. «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975.
- Гаспаров Б. М.* Мой до дыр // Новое лит. обозрение. 1992. № 1. С. 304–319.
- Золотоносов М.* «Ахутокоц-Ахум»: опыт расшифровки сказки К. Чуковского о Мухе // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 262–282.
- Кондаков И. В.* «Лепые нелепицы» Корнея Чуковского: текст, контекст, интертекст // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 158–176.
- Кондаков И. В.* Детство как убежище, или «Детский дискурс» советской литературы // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов; сост. Г. В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 138–166.
- Кузьмина М. Ю.* Страшное в сказках Чуковского // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 57–69.
- Липовецкий М.* Сказковость: «Тараканище» Сталина // Новое лит. обозрение. 2000. № 45. С. 122–136.
- Лупанова И. П.* «Полвека». М., Дет. лит., 1969.
- Ляпин С.* «Крокодил» Чуковского и русский балладный стих // Российская наука на заре нового века. М., Научный мир, 2001. С. 422–428.
- Неёлов Е. М.* Переступая возрастные границы...: (Заметки о взрослом содержании сказок К. Чуковского) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, ПГУ, 1976. С. 53–70.
- Неклюдов С. Ю.* Происхождение анекдота: «Муха-цокотуха» под судом советских вождей // Post-Socialist Jokelore. International symposium. January 15th–16th 2007. Koostaja A. Krikmann. Tartu: Estonian Literary Museum. С. 37–42 (препринт). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov28.htm> (дата обращения: 28.08.2012).
- Обухова М. А.* Автобиографическая повесть К. Чуковского «Серебряный герб»: особенности поэтики // Вестн. Саратов. гос. аграрн. ун-та. 2006. № 5. С. 112–113.
- Петровский М. С.* Крокодил в Петрограде // Петровский М. С. Книги нашего детства. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2006. С. 11–94.
- Платт К. М. Ф.* Доктор Дулиттл и Доктор Айболит на приеме в отделении травмы // Веселые человечки: культурные герои советского детства М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 101–124.